

ДИАНА
МАШКОВА

ГЕОРГИЙ
ГЫНЖУ

МЕНЯ ЗОВУТ ГОША

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

история сироты

Георгий Гынжу
Диана Владимировна Машкова
Меня зовут Гоша:
история сироты

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27763348
Меня зовут Гоша: история сироты: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-099001-6

Аннотация

Они раскачивают кровати, в которых спят. Они качаются даже тогда, когда отвечают перед школьной доской. Они собираются в стаи и шельмуют тех, кто не такой, как они. Они воруют. Они курят и пьют. Они рано начинают половую жизнь. Они огрызаются и грубят. Именно это вы знаете о сиротах из детских домов. Именно это знание, сопровождаемое непониманием и страхом, становится препятствием в усыновлении.

А теперь приготовьтесь: перед вами исповедь сироты Георгия Гынжу, в подлинности которой никто не усомнится. Реальная история жизни в детском доме, рассказанная мальчиком, проливает свет на все, что вас пугает и отталкивает. История, способная изменить к лучшему вашу жизнь и жизнь тысячи детей, оказавшихся без родительской любви.

Содержит нецензурную брань!

Содержание

Предисловие автора	5
БЛАГОДАРНОСТИ	12
Глава 1	15
Глава 2	23
Глава 3	35
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Диана Машкова, Георгий Гынжу Меня зовут Гоша: история сироты

Предисловие автора

Книга «Меня зовут Гоша. История сироты» стала спасательным кругом, за который мы с Гошей смогли ухватиться. Когда мы только познакомились – Гоша свалился мне как снег на голову – я увидела перед собой открытого доброго парня. Помню, даже удивилась: «Что такой замечательный мальчик делает в детском доме? Почему до сих пор не в семье?». Хотя, к сожалению, это был не первый случай, когда приходилось задавать себе подобный вопрос. Гоша понравился мне с первого взгляда, ему не нужно было прилагать никаких усилий, чтобы вызвать симпатию. Но проблема была в другом: я понятия не имела, чем могу помочь практически взрослому парню. Учитывая, что Гоша не только стал сиротой, потеряв при рождении семью, но и успел как следует запутаться в собственной жизни, нужны были мощные стимулы для того, чтобы он сам захотел изменить свою судь-

бу. Никто не смог бы сделать этого, кроме него самого. На мой взгляд, самая большая иллюзия заключается в уверенности, что один человек способен изменить жизнь другого человека. Я думаю, так это не работает ни со взрослыми, ни с детьми. Можно только пробудить в другом человеке новые интересы и желание что-то в своей жизни менять.

Тогда я еще не знала, что именно может стать стимулом для Гоши. Я постоянно думала об этом после нашей встречи.

Мне было приятно, что Гоша сам потянулся к общению. Он прилагал усилия, выходил на связь – это был хороший знак готовности вкладываться в отношения. Нередко в детских домах приходится видеть совсем другую картину: дети полны отчаяния, закрыты, лишены сил и желания идти на контакт; смирившись со своей ненужностью, они постепенно теряют волю к жизни. Гоша был не таким, и это вселяло большие надежды. После первой же встречи у меня не осталось сомнений в том, что наше общение продлится не один месяц и даже не один год. Но страхов и неуверенности в своих силах хватало, а главный принцип «не навреди» не позволял делать резких шагов. Для себя я решила, что готова начать с наставничества. Сработал еще один жизненный принцип: «Делай, что должно, и будь, что будет». Я начала пробовать разные варианты, чтобы заинтересовать Гошу чем-то социально полезным и отвлечь от привычных в детском доме, но опасных занятий. Пригласила его в фонд «Арифметика добра» в качестве волонтера, дала возможность заглянуть

в обычную жизнь обычной семьи, постаралась увлечь разговорами о жизни, помогла подработать. Одним словом, просто делала то, что понятно мне, и делилась всем, что могу сама. В той же логике пришла и идея с книгой – Гоша оказался творческим парнем. Уже на второй встрече я предложила ему написать историю своей жизни и пообещала помочь с редактурой. Мне тогда показалось, что это занятие может отвлечь его от страшных пристрастий, в которые он полностью погрузился. Хотя в том, что подросток из детского дома воровал, увлекался алкоголем и забросил школу, не было его вины – это был вполне естественный «ответ» на неестественные условия жизни.

К счастью, Гоша заинтересовался идеей книги. Я тогда просто прыгала от радости – честно! – потому что у нас с ним благодаря сотворчеству появлялось общее пространство, в котором он мог воспринимать меня как наставника, мог обращаться за помощью и поддержкой. Кроме того, мне было по-настоящему интересно – каждая история, которую рассказывал Гоша, помогала лучше понять и его самого, и устройство системы детских домов. Позволяла ощутить то, что чувствует ребенок, живя в учреждении, и пройти следом за ним по бесценной дороге жизни. Я благодарна Гоше за то, что он открыл двери в незнакомый мир, за то, что с самого начала был честным. Ведь если не понимаешь, не улавливаешь сути, которая спрятана в глубине, то и не можешь помочь. С первых строк у меня появилось чувство, что работа

над воспоминаниями служит и самому Гоше добрую службу – он пытался многое переосмыслить, старался распутать клубок собственной жизни. Я принимала любую информацию, впитывала ее как губка и хотела стать для Гоши проводником к самому себе и во взрослую жизнь. Совместное творчество служило в этом деле прекрасным подспорьем.

Поначалу было совершенно неважно, выйдет когда-нибудь история Гоши из печати или нет: главное, что у парня появилось новое занятие, которое требовало рефлексии и отчасти играло роль терапии. По себе знаю, как «лечит» возможность писать – прорабатывать душевные травмы, жизненные неудачи, рассматривать под лупой собственный опыт. Конечно, у меня не было идеи пустить процесс на самотек – Гоша работал с психологом в благотворительном фонде «Арифметика добра», у него была поддержка не только в моем лице, но и в среде профессионалов.

Летом 2015 года Гоша написал первые строчки в своем блокноте. Он присылал мне фрагменты по электронной почте и в сообщениях по телефону – иногда крошечные, всего по несколько предложений, иногда довольно большие, почти истории. Я аккуратно исправляла орфографические, пунктуационные, стилистические ошибки и возвращала текст автору. Параллельно сохраняла каждую строчку в папке на своем компьютере. Создавалась своеобразная «Книга жизни» Гоши. За не полных три года он написал пятнадцать страниц. Для профессионального писателя – неудача, а для

Гоши – огромный прорыв. Все это время он думал, вспоминал, рассказывал. Мы многое обсуждали и постоянно говорили о событиях его прошлого и о чувствах, которые он испытывал. Гоша мечтал закончить книгу, но не хватало навыков и усидчивости. К тому же вокруг него уже забурилась новая жизнь – учеба, знакомства, друзья. Весной 2018 года мы с ним решили, что теперь продолжим в новом ключе: Гоша будет рассказывать, а я записывать. Стало ясно, что книга постепенно выходит за рамки первоначальной задачи – отвлечь Гошу, переключить его внимание на новую жизнь. Это, к счастью, уже произошло. Теперь стало видно, что в тексте, словно в зеркале, отражается судьба ребенка, потерявшего семью. Рождается откровенный монолог без цензуры, без вмешательства взрослых и тех, кто точно знает «как лучше». Я изначально поставила перед собой цель не появляться в тексте, стать невидимкой, а только бережно перекладывать на бумагу все, что слышу от Гоши. Сохранять его голос и его самого. Не скажу, что работа была простой – нередко Гоша не находил слов, чтобы выразить свои мысли и чувства. Но мы никуда не торопились. Возвращались к одним и тем же ситуациям снова и снова. Искли названия эмоциям, переживаниям, событиям. Такой подход еще больше сблизил нас: Гоша открывался с каждой новой историей все больше, ему не нужно было бояться критики или осуждения, он чувствовал, что получил в моем лице надежный ретранслятор. Каждый раз, когда он просматривал новую главу, толь-

ко-только законченную мной, его лицо сияло от счастья: он видел самого себя. А я радовалась тому, что мы движемся в нужном направлении. Так, общими усилиями, мы смогли добраться до последних страниц.

За три года многое изменилось. И все-таки я уверена, что сотворчество сыграло в наших с Гошей отношениях важную роль, оказалось своего рода «ключом». Между нами возникло глубокое доверие, появилось безусловное принятие, произошло качественное развитие каждого из нас. Но это еще далеко не все. Переложена на бумагу реальная история, которая поможет многим взрослым иначе посмотреть на мир детей-сирот. Избавиться от мифов, стереотипов и, возможно, даже ответить себе на вопрос: «Что именно я могу сделать, чтобы помочь?».

Нам с Гошей было непросто решиться на публикацию. Книга получилась слишком личной и при этом документальной. Конечно, мы понимаем, что найдутся люди, – прежде всего сотрудники и бывшие воспитанники детских домов – которые скажут: «Нет, у нас все было не так». Вполне возможно. И это тоже повод делиться тем, что именно довелось испытать: до сих пор по пальцам одной руки можно пересчитать книги, которые рассказывают о жизни ребенка-сироты от первого лица. У нас огромный пробел в историях от имени самих детей. О сиротах рассказывают чиновники, сотрудники детдомов, волонтеры, спонсоры, журналисты, кто угодно, но только не они сами. Мы видим картину только

глазами взрослых людей. Но рассказ Гоши – это история и голос самого ребенка. В ней много доброго и хорошего, но не меньше страшного и тяжелого. Волей-неволей книга раскрывает многие особенности жизни ребенка в системе. Она – возможность заглянуть в мир сиротства и наконец понять, какое несчастье стоит за мнимым благополучием сытой детдомовской жизни. Насколько важнее всех мыслимых материальных благ любовь и забота семьи.

Какие они эти дети, пережившие потерю родителей, отверженность и одиночество? Благодаря истории Гоши мы можем вместе пройти этот непростой, но бесценный путь.

Диана Машкова, писатель, журналист, руководитель программы «Просвещение» БФ «Арифметика добра», мама 4 детей, 3 из которых приемные.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы с Гошей искренне благодарим каждого человека, который встретился нам на пути, – если бы не влияние людей, благотворное или вредное, мы не стали бы сегодня теми, кто мы есть.

Огромная личная благодарность Роману Авдееву, основателю благотворительного фонда «Арифметика добра» и отцу 23 детей, 17 из которых усыновленные. Фонд стал мощным ресурсом для семей, принимающих детей-сирот. Сегодня в «Арифметике добра» работает Школа приемных родителей, она готовит к принятию подростков. Можно пройти обучение и в Школе Наставников и стать значимым взрослым в жизни подростка-сироты. Много делается для поддержки ребят, которые пока еще не нашли семью и живут в детских домах. Огромное внимание уделяется просвещению общества и образованию детей-сирот. Большое спасибо председателю правления фонда Наиле Новожиловой за глубокую вовлеченность в дело и мудрость в решении самых сложных задач. Низкий поклон коллегам, штатным и внештатным сотрудникам благотворительного фонда «Арифметика добра», за самоотверженный и круглосуточный труд, за помощь детям-сиротам и семьям, принимающим их.

Особая благодарность – членам клуба «Азбука приемной семьи». Мы с Гошей чувствовали поддержку на каждом эта-

пе создания книги и постепенно приходили к мысли о необходимости ее публикации. Приемные родители как никто другой осведомлены о проблемах сиротства. Они обладают ценными знаниями и навыками, которые помогают воспитывать самых сложных детей. Усыновление и опека – непростая стезя, это большой труд и ответственность на всю жизнь. Люди, которые выбирают такой путь помощи детям, не ожидая благодарности и отдачи, заслуживают самого глубокого уважения общества. Они выполняют важную работу. Кстати, некоторых друзей Гоши, которые упоминаются в книге, приняли в свои семьи члены клуба. Низкий за это поклон им и всем людям, воспитывающим в своих семьях сирот.

Спасибо нашей семье за поддержку, принятие, за умение расти и меняться вслед за обстоятельствами и условиями жизни. Это настоящий талант.

От всей души благодарим нашего любимого глубокоуважаемого редактора Ольгу Аминову за веру, человеколюбие и непревзойденный профессионализм. Уверенность Ольги в том, что подобные книги увеличат число людей, готовых изменить судьбы брошенных детей к лучшему, служит для нас путеводной звездой.

Спасибо всем, кто по долгу службы и зову сердца помогает сиротам восстанавливать связи с кровными семьями или находить новые, приемные, семьи. И всем, кто готов услышать простую истину – подросткам тоже нужна семья.

– Гоша, так ты не знал, как зовут твою маму?

– Нет, откуда? Это же тайная информация, нам в детдоме не говорили.

– Гоша, это не тайная информация, а твоя собственная история. Сколько лет тебе было, когда ты узнал?

– Точно не помню. Я вроде еще в младшем школьном корпусе жил, учился в четвертом классе.

– В девятом, когда мы познакомились, тебе было пятнадцать. Значит, в четвертом – десять. Так?

– Да.

– И до этого тебе никто ничего не рассказывал?

– Нет. Я тебе еще раз говорю – это закрытая информация.

– Почему? От тебя она не должна быть закрытой.

– Так у нас у всех было прописано ЗПР¹ и так далее. Воспитатели в баторе² говорили, что, типа, если мы узнаем, это еще больше усложнит ситуацию...

---

¹ ЗПР – задержка психического развития. – *Здесь и далее прим. ред.*

² Батор – производное от «инкубатор», на сиротском жаргоне – «детдом».

Глава 1

Страшная тайна

Я о себе знаю мало. Кем были мои родители? Как я родился? Без понятия. Знаю только, что меня произвели на свет и тут же выбросили, как ненужную вещь, – мать написала отказ в роддоме. Вот и хранятся у меня теперь вместо семейного архива с фотками и прочим всего три бумажки – свидетельство о смерти отца, мое свидетельство о рождении и свидетельство о моем крещении. В последнем, кстати, тоже ничего не написано: ни крестного отца там нет, ни крестной матери. Странно как-то. Я слышал, крестные как раз нужны, чтобы, если что, заменить мать и отца. А у меня ни тех, ни других. Таинство крещения совершил иерей Виктор. Хоть это написано. Но его я тоже не помню. Кто он такой, что со мной делал?

Родился я 6 мая 1999 года. Крестили меня 8 сентября 2000-го. И до десяти лет я не знал, как звали мою мать. Никогда не слышал имени своего отца. Нам в детдоме говорили, что это секретная информация. Вроде как нельзя ситуацию осложнять. У нас же диагнозы у всех там прописали – ЗПР, еще что-то типа того. Поэтому мало ли. Откроют нам страшную тайну, а мы вдруг вразнос пойдем.

Но однажды, я тогда учился в четвертом классе, в наш

детдом приехала комиссия. Воспитательницы вытащили из архивов наши портфолио, положили их на край стола. И мы, такие: «О, что это за папки, что там про нас написано?» Они куда-то вышли, и мы давай все это читать. Так я узнал имена-отчества своих матери и отца. Мою мать, оказывается, звали Верой Евгеньевной. А отца Василием Георгиевичем. Я тогда очень обрадовался – я же Георгий Васильевич. Как бы наоборот. Еще я увидел там свидетельство о смерти своего отца, но, честно говоря, не очень понял, что это значит. До этого момента никаких разговоров о семье не было. Я никогда не спрашивал, откуда взялся. Меня не интересовал вопрос, как дети появляются на свет. Только в тринадцать лет у нас пошли разговоры о родителях. Мы уже жили в старшем корпусе, я учился, кажется, в седьмом классе. И к нам на работу пришла Татьяна Владимировна, воспитательница из другого детского дома. И вот она на некоторые вещи мне открыла глаза.

– Вообще-то я не должна вам это рассказывать, – она перешла на шепот, – потому что информация закрытая.

– Да?

– Но я скажу то, что безопасно.

– Лан.

– Твой папа, Гоша, умер еще до твоего дня рождения.

– Как это?

– Ну, вот так. Примерно за три месяца.

– Ничо себе, – я замер, впервые от нее об этом узнав.

– А мама твоя еще жива.

В ответ я промолчал. Не хотел ни о чем расспрашивать – раз жива, значит, я ей не нужен. А то пришла бы уже, за тринадцать-то лет.

– Когда ты родился, ей было тридцать девять лет.

– Ааа, – я изобразил безразличие, – значит, сейчас уже старая.

– Почему? – Татьяна Владимировна возмутилась. – Все-го-то пятьдесят два года.

– Ну, лан, жива, и хорошо.

А больше я ни о чем не спрашивал. Может быть, она что-то еще рассказала, а я забыл. Но сам в подробности не вдавался. Не было у меня тогда интереса, кто там остался жив, кто не остался жив. Меня воспитали другие люди, и все, спасибо. Хотя, если честно, я всегда много думал о матери. Поначалу были мысли: «Блин, поискать бы ее, посмотреть ей в глаза». Но это, наверное, больше потому, что хотелось понять, в кого я такой офигенный. Потому что мне все говорили, что я совершенно ни на кого не похож, не как все. Даже если брать нашу баторскую компашку, все равно и оттуда меня выделяли. И я хотел знать, откуда во мне такое. А еще было важно понять, как и почему умер отец. Думаю, это я в него такой прикольный. Потому что так всегда – хороших людей бог забирает, а плохих оставляет. Мать, получается, плохая, если она меня бросила на произвол судьбы, а сама еще жива. Значит, она слабая, а я ненавижу слабых людей.

Отец вот не виноват, он просто умер. Но если бы мать была сильная, она, даже несмотря на его смерть, сама стала бы меня воспитывать. Хотя я ей благодарен за то, что она меня родила. Жизнь дала. Да и за то, что оставила в роддоме, тоже спасибо. Еще неизвестно, как бы я жил. Реально слышал много страшных историй – это почти в каждой семье происходило у моих друзей, которые потом в детдом попадали, – про избиения, насилия, убийства. Отец, например, мать избивает, а маленький ребенок все это видит. Или убивали родители друг друга у детей на глазах. А они наблюдали. У меня были и друзья, и подруги, у которых в семьях это происходило. В основном мам у них били. Иногда их самих. Но это же полный треш! Когда тебя бьет твой любимый, родной человек. Ты его знаешь, он тебя растил, и тут такое. В детдоме, когда бьют, это все-таки совсем другое. Да, нас били старшаки, но это нормально. Бьет тебя совершенно чужой человек. Он тебе никто. Поэтому – ерунда. Просто как в школе, взял и подрался. Или на улице, взял и подрался. А в семье это совсем другое дело. Я бы не выдержал.

В общем, конечно, в глубине души я хотел узнать, что на самом деле было, почему меня бросили. Но не стал никого об этом спрашивать. Потому что, ну на фига? Зачем мне чья-то тупая жалость? Я много таких историй видел, когда жалели других детей-сирот, и боялся, а вдруг и со мной то же самое произойдет? Все-таки жалость и я – это две несовместимые вещи. Жизнь научила меня смеяться, когда трудно,

а не плакать. Меня ругали, я смеялся. Обижали, я смеялся. И когда били, смеялся тоже. Я не хотел, чтобы меня жалели. А еще если бы я свою мать увидел, я бы, наверное, просто в себя ушел, и все. У меня встал бы вопрос: «На фига ты меня вообще бросала?» И я бы вошел в это говно, остался бы там сидеть, разбираясь со всем этим. Оно мне надо? Пока жил в баторе, я не хотел погружаться в то, что было до меня, не хотел знать, почему все так произошло. Меня устраивало то, что есть. Больше мне ничего не надо. В детдоме я жил настоящим. Не прошлым и не будущим. И уже тогда, в тринадцать лет, решил для себя – если не знаю заранее ответа на вопросы, не должен их задавать. И не задавал.

Хотелось, конечно, увидеть хотя бы их фотографии. Как выглядел отец? Какой была моя мать? Но тогда мне захотелось бы узнать больше, могло появиться желание еще и встретиться. А зачем это все? Я уже знал, как отреагирую, и боялся сам себя. Боялся провалиться в бездну, возможно даже надолго. Я бы думал и думал, что там было и как. И вот мы бы с ней сидели, я бы смотрел в ее бессовестные глазки и задавал тупые вопросы:

- Почему ты меня бросила?
- Понимаешь, сынок, так получилось.
- У других так не получилось! Почему именно меня?!
- Папа умер. Я осталась одна.
- Не одна, у тебя были старшие сыновья!
- Они тогда были детьми, мне надо было всех вас кормить,

растить. А папа...

– Я знаю! Он умер! Но почему ты оказалась такой слабой?!

И так бы мы с ней говорили до бесконечности. Ни о чем. Я всю жизнь был один, мне так было легче. А тут надо было бы надеть на себя громадный рюкзак из прошлого и под его тяжестью загнуться. Нет. Без рюкзака все-таки легче ходить.

Кстати, я никогда даже не видел ту самую бумагу, с которой все началось – отказ матери от меня. Я думаю, там было написано: «Отказываюсь, потому что не могу содержать». Или еще что-то такое. Иначе как так вышло, что она смогла просто взять и выкинуть меня? Либо она все-таки была алкоголичкой, наркоманкой и так далее – то, что приписывают всем родителям детдомовских детей. Воспитатели всегда нам так говорили. Когда ругали нас, получалось примерно одинаково.

– Аaaa, значит, мы вам надоели? – Софья Николаевна, моя нелюбимая воспитательница в младшем школьном корпусе, начинала распалаться на ровном месте, стоило мне пробубнить: «Не имеете права, надоели уже!»

– А че такова?

– Говори так своей мамке, которая тебя бросила! Сейчас скитается по дворам, курит, пьет, колется. Наркоманка!

– Да откуда вы знаете? – не скажу, что я как-то бурно реагировал. Если уж сам не знаю свою мать, откуда воспитатель может что-то о ней знать?

– Все они такие! Алкоголички и наркоманки. Иди, иди к своей мамке! Она тебе не надоест. Но если ты тут, значит, ты сам ей надоел!

И я, такой, про себя: «Пфффф. Поорала? Успокоилась? Молодца!»

Я никогда не злился и ответить ничего такого обидного не хотел. С самого детства был добренький. Даже про свою мать никогда не думал, что она пила или кололась. Думал только о том, что она не могла меня содержать.

А вот Некит, мой друг, он да, в порыве гнева всегда Софье Николаевне отвечал. Матом, конечно.

– Ты, сука, не знаешь моих родителей, – орал он, – и какую-то тут пургу несешь!

Ну а Софья Николаевна давай сразу за телефон хвататься. Некит орал на нее и лез под стол – от греха подальше. А она начинала звонить, типа в психушку. Все знают, что тех, кто плохо себя ведет, отправляют в психушку. Но на самом деле она просто своему сыну звонила. Мы только потом это поняли. Но в основном все было проще – она шла к старшкам. И присылала их к нам в воспитательных целях. Чтобы они поговорили, провели профилактические беседы. Старшаки честно пытались словами, но уставали от такой моральной нагрузки слишком быстро. И переходили к физической. Тупо били. Или швыряли как кеглю от одного к другому. Забава такая. Мы мелкие были, в пятом классе. А они уже огромные – в девятом, десятом, одиннадцатом.

Кстати, не только с воспитателями, но и с друзьями мы не обсуждали эти темы про родителей. Не было такого: «А ты хотел бы, чтобы...» Нет. Мы жили здесь и сейчас. Прошное вообще не трогали. Будущее, впрочем, тоже. Наверное, что-то обсуждали, какой-то там дебилизм из разряда: «А кем ты хочешь стать?» И все. Как и что там будет, мы просто не знали. Сидели, грубо говоря, в своей клетке. И не отвечивали.

А если идти по порядку, от самого рождения, то маленьким я себя не помню. Как в кроватке сидел, первые слова говорил, первые шаги делал, еще что-то – вот этого в памяти совсем не осталось. И фотографий нет, так что никогда уже не узнаю.

Глава 2

Кореша

А самый первый момент помню такой – я захожу в групповую. Мне три годика и меня перевели из Дома малютки в дошкольное отделение детского дома. В группу меня привела замдиректора Надежда Валентиновна, и вот она говорит воспитателю: «Познакомьтесь, это Гриша!» Так что в дошкольном отделении я все четыре года был Гришей, а потом еще и до середины первого класса Григорием ходил. Кто-то что-то напутал в записях. Только потом посмотрели в бумагах – «О! Это же Георгий, а не Григорий». И мне говорят: «Так, стоп, ты никакой не Гриша, ты не Григорий, а Георгий. Значит, Гоша. Запомнил?» Да вообще без проблем. И я снова стал Гошей.

В группе, куда меня привели, сидели воспитатели. Вроде там была Лариса Павловна и Наталия Анатольевна. А детей пока еще не было никаких. Я оказался самым первым. И вот помню, меня покормили, положили спать, а после тихого часа я просыпаюсь, открываю глазки – оп, еще один лежит. Это был Тимик, он потом стал моим лучшим другом. Мы, когда выросли, даже ходили с ним в дошколку к Ларисе Павловне и спрашивали: «А кто из нас первым в группу пришел?» И она говорит: «Вы с Тимуром в один день пришли. Я вышла

на работу, и мне сказали, что поступили два ребенка. Открываю дверь и вижу: две черненькие головки рядом в кроватках лежат».

Там кровати очень близко стояли. Между ними еле протиснешься. С одной стороны было пять кроваток и с другой – раз, два, три... Да, точно, с другой было семь. Значит, всего двенадцать. Комната у нас была большая, посередине диван такой кожаный. И стены вроде мятного цвета – нежно-зеленые. Пахло там почему-то обойным клеем. Ну, это сейчас я так думаю, что клеем, а тогда просто не знал чем. Этот запах был и в дошколке, и потом в младшем корпусе, и в старшем тоже. Если я где-то долго находился, не в баторе – в больнице или в лагере – а потом возвращался, то отдавало всегда этим обойным клеем. На стене у нас картина висела, правда, что на ней было нарисовано, я не помню. И еще стояли ультрафиолетовые лампы. Чтобы, когда мы уходим из группы, антибактериальную обработку делать.

Кроватка у меня была – боже, я сейчас от умиления заплачу – такая маленькая, беленькая. Не для малышей, с решетками, а как в детском саду. И постельное белье зеленое с медвежатами. Мишки были коричневые и почти стертые, потому что белье мне досталось уже изношенное. Но оно все равно очень мне нравилось, больше, чем синее с вертолетиками – когда это меняли, стелили его.

Я вообще ни капли не испугался, когда меня привели. Храбрый такой. Но на самом деле, думаю, мне просто было

все равно – ну, взяли из одного места, перевезли в другое. Сюда. Туда. Нормально, я привык. Скучать по кому-то или плакать – такого не было. Я понимаю, что в Доме ребенка за мной кто-то ухаживал, приносил мне попить, поесть, штаны менял, еще что-то делал, но я никого там не запомнил. Наверное, не было ни с кем привязанности. Может быть, они холодно ко мне относились, поэтому ни к няням, ни к воспитателям не прикипел, но я точно ни по кому не тосковал. Получается, спокойно ушел и спокойно пришел. Нормальный такой «Здрасьте!». А вот когда из дошколки меня переводили в младший школьный корпус первого сентября, я уже рыдал. Потому что в дошколке у меня появились две воспитательницы, которых я полюбил, – Наталья Анатольевна и Нина Александровна. И еще много друзей.

Первым из них как раз стал Тимик. Я ему сразу очень обрадовался. Проснулся, увидел его и тут же подумал: «О, прикольно, я не один буду. Весело». Тимик был маленький такой, худощавый. Намного меньше меня ростом. Его еще потом дразнили карликом. Даже питалки³ «шкетом» называли. А он всегда возмущался и вопил: «Да я еще вас всех перерасту!» И действительно, сейчас уже вымахал – не догнать. Всех перерос. Вообще он сильно изменился с возрастом. Раньше был такой же черненький, как и я. Реально тот же цвет волос, как будто мы братья, только они у него были длинные. А потом он посветлел и начал коротко стричься. А нос как

---

³ Питалки – от «воспиталки», воспитательницы детского дома.

был, так и остался – огромный, гигантский просто.

Откуда взялся Тимик, я не знаю. Мы с ним это не обсуждали, даже вопроса такого не возникало. Потом узнал только, как раз когда мы до портфолио все вместе добрались, что мать его зовут Рагиля Малказенка. Я ее имя лучше, чем имя собственной матери запомнил. Реально! Потому что это такой повод для шуток, и мы над Тимиком потом постоянно стебались: «Ну как там Рагиля Малказенка поживает?» Но не суть. Тимик пришел в группу, и хорошо. Дружба у нас с ним как-то сама собой получилась, мы же все время были вместе. Как два заключенных, ходили по расписанию в туалет, в столовую, на прогулку. В баторе, в дошколке, был строгий режим: «Построились, в туууалееет!» Не то чтобы вот прям по времени, но если один захотел, значит, захотят все. Не будешь же каждого отдельно водить. Поэтому быстро встали и пошли все вместе строем. Кто не хочет, можете просто рядом постоять. Санузел у нас был большой – ручкомойники стояли, ванная комната там же была. Проходишь дальше, и стоят два унитаза, а между ними фанерные перегородки. Даже кабинки такие, закрывающиеся. И еще из туалета вела дверь запасная почему-то на лестничную клетку. И мы через нее сбегали, когда строем надоедало ходить. В общем, нормально все было. Обычное детство. Как у всех.

С Тимиком мы вместе катали машинки, строили что-то, пазлы собирали, разговаривали и веселились, как могли. Мы с ним даже в куклы играли, было такое: «Привет, меня зовут

Тимур», «Привет, меня зовут Гриша». «Давай вместе дружить». О боже! Сейчас как вспомню... Умора. В дочки-матери, мы, понятное дело, не играли. Не знали, что это за игра такая. У нас с ним все куклы были дети, друзья. Никаких взрослых даже близко. А вот потом, когда к нам в группу пришли другие ребята, семейные, мы в папу-маму тоже стали играть. Образы, кажется, брали из мультиков, ну и домашние что-то приносили. Но это мы уже не в куклы играли, а сами, как умели, изображали членов семьи. У нас были папа и мама, одна дочка – это была единственная кукла – и все остальные братья. Мама папе всегда говорила: «Ты руки помыл? Давай садись, сейчас принесу тебе ужин. Только тихо, наша дочка спит». Мне роль папы не доверяли, его играл почти всегда Никита. Как самый ответственный. И он нам, такой: «Братья, тихо. Будете шуметь, проснется дочка». А «мама» была все время Света, конечно, и она там готовила что-то постоянно. Сколько себя помню, у нас всегда была только одна девочка в группе, а остальные все мальчики. Слава богу, хоть сейчас в колледже наоборот – у меня в группе тридцать девочек, а я один. Вот это жизнь! Хотя тоже свои заморочки.

Кстати, у нас в то время не было никакой жестокости в играх. Мы ничего такого не делали, кукол не били. Свое зло ни на ком не вымещали. Даже когда нас обижали, мы это просто держали в себе. А может, копили.

Потом, чуть ли не в этот же, первый день, пришел другой

мой лучший друг – Никитка. Он вроде из какого-то другого Дома ребенка был. А может, и сразу из семьи к нам попал. По крайней мере, мне так казалось, потому что раньше я его, как и Тимика, никогда не видел. Он был такой маленький, пухленький и ходил все время красный. Чего-то там постоянно смущался, стеснялся. Но у Некита в отличие от нас с Тимиком была мама, которая приезжала к нему в дошколку. Я ее видел. Она ему подарила на день рождения огромный детский мотоцикл. Мы на нем все по очереди катались. Но в итоге, как обычно, чуть не подрались из-за него, поэтому питалки мотоцикл забрали. Он до сих пор стоит в дошколке, я видел. А мама Некита какое-то время ходила к нему, но потом пропала. Удивительно, но Некит как-то спокойно отреагировал – не вспоминал, не плакал, не спрашивал, когда она снова придет. Просто молчал. Как всегда смущенно улыбался и, как обычно, краснел. Наверное, держал все в себе.

Я, кстати, совсем не завидовал тому, что к нему мама приходит. В принципе, не очень этого понимал – мне тогда что мама, что чужая женщина, все равно. Тетенькой больше, тетенькой меньше, какая разница? Их и так было слишком много перед глазами, мелькали туда-сюда. А вот тому, что у Некита был мотоцикл, завидовал. Это реально круто! Мама Некита вроде была лишена родительских прав, точно не помню, но, кажется, от кого-то слышал, что она пила, и соседи на нее пожаловались. Пришла опека с полицией, и Некита забрали. Хотя, может, это и не его история, а чья-то дру-

гая. Их сотни таких было вокруг. Но для меня это все было непонятно, никаких эмоций не вызывало. Даже когда ко мне самому начала приходить тетя Ира, я тоже особо не реагировал. Но про нее я еще подробно расскажу. А вообще, я же тогда не понимал, что такое родственники, родители. Что еще за родня? Какая-токая мама вообще? Вот убей не помню, чтобы вопросы задавал: «А откуда я взялся? Как появился на свет?» Да, многие дети в три-четыре года начинают интересоваться, откуда берутся дети. Им там объясняют всякое, что у мамы из живота. Но я-то понятия не имел, что у ребенка должна быть мама. Меня воспитатели воспитывали. Мы, кстати, их мамами и называли – «мама Оля», «мама Соня», «мама Нина». Смысла никакого в это не вкладывали, просто так принято было. Традиция. И в детстве я на эти темы не загружался, как и на все остальные. В принципе, никогда «почемучкой» не был.

А дальше, постепенно, у нас в группе получилась «сборная солянка». Пришел еще Миша. И мы его так возненавидели! Вот он именно из дома пришел, из семьи. Домашние дети всегда были ужасные – капризные и гадливые. Не такие, как мы. И по Мише сразу было видно, какая это мразь. С ним невозможно было жить в одной группе. Все игрушки у нас всегда отнимал. Плакал по поводу и без повода. Наверное, из-за того, что он был семейным, характер у него оказался таким противным. И рыжий он был, как огонь. Вот из-за него я до сих пор ненавижу рыжих. Дрался он постоян-

но. Вечно был зачинщиком. И при этом всегда выходил сухим из воды. Если мы все вместе напраказничали – я, Тимур и он – то Мишка чуть что, сразу же: «Это все онииии!» И мы ему, такие: «Что ты творишь, Миша?». Прижимали его к стенке, учили уму-разуму, а он все равно за свое. Опять идет к питалкам и давай плакаться, жаловаться на нас. «Они меня били», «Они меня обижали» и все такое. Реально достал. Но зато однажды из-за этого придурка Миши я понял, что Некит – мой лучший друг и настоящий человек. Когда тетя Ира стала ко мне ходить, у меня впервые появилась собственная игрушка, телескоп-мозаика. Она мне ее подарила. Это как подзорная труба, смотришь в глазок, крутишь ее, а там какие-то бусинки падают, и каждый раз появляется новый узор. И вот этот гад Миша подбегает ко мне, отбирает телескоп и тут же с ним куда-то уносится. Я ему кричу: «Мишка, вернииии!» А он не слушает. Я плачу уже, реву от горя. Питалки то ли чай пили, то ли еще что-то, но они ничего не сделали, даже не вышли на мой плач. И я, такой, к другу: «Некит, у меня Миша телескоп отнял, можешь с ним поговорить?» И Некит пошел, поговорил. Попросту говоря, взял и навалил ему. Этот Миша, понятно, начал плакать, биться в истерику. Опять рассказал воспитателям, что мы его, беденького, бьем-избиваем. В итоге телескоп забрали и положили на шкаф. Никому не давали – ни мне, ни другим. И я, такой: «Ну, все! Спасибо, Миша. Теперь ты у нас попляшешь». И весь год, который он был с нами, может, немного

меньше, ему от нас конкретно доставалось. А потом его в семью обратно забрали. И с тех пор я рыжих не переносу. Это уже на всю жизнь.

Потом еще был Макуха. Не могу вспомнить, как его реально звали. Но все его называли «Макуха, зеленое ухо» с моей легкой руки. Потому что была у нас там ветрянка, а у него даже на ухе были болячки. И питалки взяли, реально зеленку просто ему на ухо вылили. Я тогда тоже болел вместе со всеми. Так мучился, это было что-то с чем-то. Ходили мы все зеленые, на карантине сидели, еду нам приносили в группу. Меня даже кормили с ложечки. Потому что сам я ложку держать не мог – между пальцами и то были эти болячки. У нас хорошие питалки днем работали, я уже говорил, что мы их любили. Другие сказали бы: «Не можешь жрать, ну и не жри». Ночная наша, например, так бы и сделала. Слава богу, она у нас только ночью, во время сна была. А эти, дневные, не такие были, возились с нами по-настоящему. Наталья Анатольевна, Нина Александровна и Лариса Павловна. Они нас даже на ручки брали. Это не часто было, но случалось. Я помню.

Ну, в общем, Макуха был у нас очень веселый, прикольный. Реально как обезьянка. Торчащие уши, весь сгорбленный и очень темный – кожа почти коричневая, как будто приехал с курорта. Откуда он в нашей группе взялся, я опять-таки не знаю. Просто бамс – и появился. Кстати, мы с ним и с Тимиком постоянно качались в кроватках. Когда спать

ложились – вот прям обязательно, я это четко помню. Все вместе – рrrрраз, и начинали из стороны в сторону мотаться. Наяривали головами по подушкам. Я, Тимик, Макуха точно, возможно, еще кто-то. А те, кто из дома приходил, типа Миши дебильного, они не качались. Нам это как-то непонятно было. Сосед справа качается. Сосед слева тоже. Вот и ты – лег, давай, качайся! Нормально, как все. Психологи говорят, так проявляется депривация – я потом уже, когда вырос, об этом узнал. Но мы тогда, конечно, думали, все дети так делают. Кстати, потом я еще очень долго жил с этой привычкой. Не на кровати уже, а так, стоя. У меня это было класса до пятого. Стою у доски, стих рассказываю – и раскачиваюсь взад-вперед.

– У лукоморья дуб зеленый, золотая цепь на дубе том, – а сам наяриваю, как метроном.

– Не качайся! – учительница одергивала. – Ну-ка, встань нормально!

– Валентина Ивановнаааа, я не могуууу.

– Встань, я сказала, нормально!

– Ну ладно...

И я старался стоять, как мог. Мы, между прочим, всегда послушными были. Не то, что семейные дети – сплошные капризы. Быстро поняли, что нет никакого смысла идти против системы. Те, кто шел против системы, всегда получали больше всех. Тот же самый Мишка. Против установленного порядка пёр, его и мутузили все. Та же ночная питалка, дру-

гие воспитатели. Я уж не знаю, что именно с ним там делали, просто уводили, и все. Очень часто. А мы-то с Некитом и Тимиком были идеальными. Паиньками. Ну, разве что изредка какую-нибудь ерунду творили, тогда нас наказывали.

А потом к нам в группу пришли еще двое детей – Света и Сережа, брат и сестра. Они попали к нам из семьи, к ним даже приходила мама. Они временно к нам попали. Мама навещала все время, она реально добренькая была. Дарила нам чупа-чупсы, еще что-то, кормила всех сладостями. Сережа был противным мальчиком, как и все домашние, но каким-то и удивительно приятным одновременно. Хотелось его и ударить, и в то же время пожалеть. Но, как и все домашние гаденыши, исподтишка действовал. Сидят все, играют, а он, такой: «Эй, дебил!» И потом: «А че я, это не я обозвал, это вот он». Но из-за того, что его мама приносила нам угощение, мы к нему относились более-менее снисходительно. Были, конечно, разборки, мы разговаривали: «Сереж, ну что ты творишь, а? Ты либо с нами, либо будешь, как Миша, белой вороной. Не из нашей компашки». Наша компашка была – я, Тимур, Никита и Макуха. Со Светой мы мало общались. Не потому, что она нам не нравилась, просто – девочка. А так, она была очень прикольная, веселая. В принципе, они с Серегой вместе были такие шkodные! И друг за друга горой! Это мило было, но иногда реально бесило. Если Света была не права, то Сереже невозможно было доказать, что она не права. Он все равно бился за нее. Мы уже уставали от это-

го, говорили: «Ну ты же понимаешь, что она не права?» И он, такой: «Да, но все равно трогать ее не надо. Она же девочка». И мы соглашались. Наверное, благодаря Сереге со Светой и поняли, что девочек все-таки надо беречь и защищать. Именно такие случайные моменты нам рассказывали что-то о жизни. Хотели избить девочку, а ее защитил брат. И мы, такие: «Да, все-таки реально, надо ценить девочек. Наверное, они зачем-то нужны».

В итоге нас там собралось семеро: я, Макуха, Некит, Тимик, Миша, Сережа, Света. И двенадцать кроватей. Возможно, кто-то еще приходил ненадолго и уходил, скорее всего, так и было, но я их не запомнил. Света с Сергеем потом тоже вернулись в семью, к своей маме. С нами они прожили год с чем-то. Мы им не завидовали, что они уходят домой – про дом-то ничего не знали. Нам было просто жалко, что они уходят, что надо расставаться с друзьями. Даже поплакали немного.

Глава 3

Крыса

Я помню, был рыбный день. Он всегда у нас был по четвергам. И давали всем рыбный суп. А я его не любил и есть не хотел, поэтому начал капризничать.

– Не хочу кушать, не буду кушать...

Тогда ко мне подошла наша ночная питалка, мама Оля – она как назло кого-то там в этот день заменяла, – и говорит:

– Ешь!

Я опять за своё.

– Не буду, не хочуууу!

– Сейчас за шиворот вылью, – пригрозила она.

– Ну, можно я не буду? – я уже начал скулить. – Пожалуйста, можно, я только бульончик?

– Нет, ешь быстро все! – она встала, руки в боки.

– Аааа, – я начал плакать.

И она, такая, схватила тарелку и – фффф – вылила мне весь суп за шиворот. Сейчас ржу не могу, блин, как вспомню: суп же не горячий был, так что все нормально. Но тогда мне, конечно, было несмешно. А страшно обидно. Я реально рыдал. Начал по полу кататься, биться головой, орать: «Что ты деееееелееееешь?!» А она как завопит на меня:

– Сел на место!!! Сел и сидишь!

Не спросила, ошпарился или нет. Не помогла переодеться. Мама Оля эта вообще была бэээ. Настоящая злюка. Она же и била нас ночью по пяткам. Брала прыгалки и давай лупить. Это если вечером мы долго не засыпали, а шептались, обсуждали то, что днем не смогли обсудить, или в войнушку играли: «Тыщ-тыдыщ-тыдыщ». И она заходит с этими прыгалками, включает свет, и пофиг – спит кто, не спит – начинает.

– Все ноги вверх!

Если кто не слышал, спал, она подходила, специально будила, откидывала одеяло и орала в самое ухо:

– Поднял ноги вверх!

Мы понимали, что лучше не сопротивляться. Сначала, конечно, было больно. Всей группой плакали, просто ревели. Какого фига нас бьют?! За что?! А потом привыкли. Научились ноги поднимать так, чтобы можно было уворачиваться – попробуй попади. Но, кстати, спрятать ноги под одеяло никто не пытался. Мы уже знали – тогда будет что-то другое, еще хуже. Поставили бы в прихожую стоять, пока все не заснут. А спать-то хочется все равно в теплой постельке, а не в тонкой пижамке на холоде стоять. Или еще был вариант – сидеть в сушилке. Там сушили нашу верхнюю одежду после прогулок, и был специальный верхний ярус для шапок, варежек, шарфов. Провинившихся сажали туда, к этим шапкам на антресоли. Места для ребенка там вполне хватало. Сажали и уходили. И было так стремно сидеть, потому что я лич-

но всегда боялся заснуть и упасть. А уснешь, упадешь – твои проблемы. Жалеть и на раны дуть никто не будет. Поэтому из всех сил старался не спать.

Мой друг Тимик один раз умудрился как-то слезть с этих антресолей и начал скакать по лавочкам в раздевалке, которая была рядом с сушилкой. В итоге сломал себе руку. Но это никого не остановило, как сажали в сушилку на антресоли, так и продолжали сажать. Про Тимика просто сказали, что он сбежал из группы и прыгал по лавкам в раздевалке. Поэтому директор дошкольного отделения так и не узнала, что и как на самом деле было. Директором у нас женщина была, очень добрая. Не помню, как ее звали. Но она реально следила, чтобы нас не обижали. Но ночью-то ее не было, и вот тогда все самое интересное происходило.

Еще нас наказывали кипятком. Совали в ванну и включали очень горячую воду, а мы под собственный вой плясали. Не знаю, как они это делали, но мы никогда не обваривались, только больно было. И мы отплясывали, кричали: «Не надо-оо, мы будем себя вести хорошооооо».

Ну и в лагере были свои наказания. Нас возили все время в один и тот же лагерь «Звездочку», до сих пор его помню. Это в Подмосковье. С нами ездили воспитатели, которые тоже в нашем баторе работали. И вот там за плохое поведение или если в тихий час не спишь, засовывали крапиву в трусы. От этого я прям реально орал.

– Ааа, мне жжет, можно я высуну?!

– Нет, – говорила воспитательница, – ты нормально спать не хотел? Теперь спи с крапивой.

И вот ложишься, как солдатик, с мыслями: «Все, главное, не ёрзать и поскорее заснуть. А дальше будет нормально». Сначала, правда, я плакал, елозил, только хуже себе делал. А потом понял, что лучше не шевелиться, а спокойно лежать. И лежал, засыпал так. Но спал чутко-чутко. Стоило чуть заворочаться во сне, и крапива начинала жечь. Но и к этому я тоже привык. Нормально. Воспитательницу, которая крапиву мне засовывала, звали Михалочка. Такая женщина XXL. Не то, чтобы очень полная, но грудь – просто гора. Меня туда как на табурет можно было посадить, и я бы не свалился. Волосы у нее были кучерявые, выжженные пергидролем и химией, поэтому непонятного цвета, и с совершенно идиотской стрижкой. Как у барана. И усы еще такие страшные, черные, заодно с бакенбардами – прямо фуууу. Прожитая тетка была, повидавшая. Наверное, где-то за пятьдесят. Она работала в одной из групп нашей дошколки. И на смену в лагерь, конечно, всегда приезжала. Хорошо хоть в баторе она не в моей группе была!

А у наших питалок такой график был, что в будние дни, например, до вечера работает Наталья Анатольевна, а в выходные – Лариса Павловна. Другую неделю в будни днем работает Нина Александровна, а по выходным опять Лариса Павловна. Но на ночь всегда приходила эта сумасшедшая мама Оля, которую я ненавидел. Потом вместо нее другая пи-

талка появилась. Светлана какая-то, что ли. Точно не помню. Она проработала очень мало. И как раз у нее я единственный раз намочил кровать. Понимал во сне, что хочу писать, а на горшок не встал.

– Ты что наделал?! – она не на шутку разозлилась.

– Простите, – было стыдно, – мне снился сон, я хотел его досмотреть.

– И?

– И мне во сне показалось, что я сел на горшок и пописал. А на самом деле нет.

Мне казалось во сне, что я встал, пошел на горшок и все сделал как надо. Но потом мне самому стало мокро, и я понял, что что-то не так. Хотя сначала подумал, что просто горшок переполнился.

– Ты что, с дуба рухнул?! – она начала орать на всю группу. – Посмотрите все на этого ребенка! Он опииисаался! Тебе не стыдно ссать в собственную кровать?!

– Простите, – мне уже совсем было не по себе, – такой был сон интересный.

– Мне все равно! Сон у него. Берешь быстро постельное белье и идешь его стирать!

Я пошел в ванную со своей простыней и пододеяльником, взял там тазик, начал стирать. Мне тогда было три с половиной года. После этого я больше не мочился в кровать.

Но иногда, было дело, нам надоедало быть послушными и молча терпеть, что на нас орут. Да и скучно время от времени

становилось, и мы придумывали, как попить у злых питалок кровушки. Особенно хотелось насолить той самой ночной питалке маме Оле, которая постоянно нас обижала.

И вот однажды к нам в группу притащили крысу. Обычную домашнюю крысу, которая дома в клетке живет. Я тогда не знал, кто и зачем это сделал. Зато сразу заметил, что у крысы слишком бластная жизнь. Мягкая подстилка, подушка, даже одеялко. Я тогда не мог понять, что происходит: «Это же просто крыса! Зачем ей постель?!» А еще у нее была специальная поилка и крутая кормушка. Сама крыса оказалась огромной, черной, с длинным лысым хвостом. Фуууу! Сначала мы все на нее просто смотрели. Подходили к клетке и не понимали, что с ней делать. Кто ее принес, как с ней играть? А потом узнали, что это крыса той самой мамы Оли, которая била нас скакалкой по ночам. И вот тогда мы потихоньку начали над этой крысой издеваться, типа, мстить ей за наши обиды. Всякие там карандаши, палки в клетку совали, тыкали ее всем подряд. Она бегала по клетке, пытаясь увернуться от наших тычков, и орала мерзко: «Эээ, ээээ». Потом мы додумались трясти клетку, когда никто не видел. Брели и встряхивали так, что крыса внутри летала из стороны в сторону. В итоге мы с ней что-то такое сделали, что она перестала шевелиться. Лежала на дне клетки и даже усами не дергала. Попытались разбудить, дотрагивались до нее карандашами. Уже не сильно, чуть-чуть. Но бесполезно. Крыса умерла. И как же мама Оля тогда взбесилась! Как она на

нас матом орала!

– Вы, блять, мудаки, что вы сделали?!

Мы только пятились от нее и прятались друг за друга.

– Дебилы! Аутисты! Отказники!

Мы стояли притихшие и думали, что нам всем теперь тоже конец. Хотя смысла ее ругательств не понимали.

Нам было тогда по три-четыре года. И это было первое животное, смерть которого я увидел. Потом мама Оля эту свою дохлую крысу куда-то унесла. Похоронила или просто выкинула, я не знаю. Нам было пофиг. Нам было важно, что мы смогли отомстить ей хоть через кого-то. Жалко, конечно, животное. Но что поделать? Крысу было уже не вернуть. Зато мы немного выдохнули. И после этого жуткая питалка в моей жизни больше не появлялась. Во всяком случае, я этого не помню. Хотя, может, просто в другую группу работать перешла.

Глава 4

За воротами

А один раз я и сам чуть не ушел в семью. Мне тогда было четыре года. Не знаю, откуда взялась эта тетя Ира, но в один день воспитательница пришла в группу вместе с какой-то женщиной и представила ее: «Гриша, это твоя тетя, ее зовут тетя Ира. Познакомьтесь». И эта женщина, такая, стоит: «Ты что, Гришенька, меня не помнишь?» Хотя непонятно, откуда я мог ее помнить, если все время в детдоме жил. Но это распространенный приемчик у взрослых. Так же и педофилы делали, и всякие мошенники – представлялись родственниками, – но об этом я потом расскажу. Конечно, мы с ней раньше не виделись. Или она меня спутала с кем-то. Я ей сказал: «Нет, не помню», а она ответила: «Ну ладно, вспомнишь». Эта тетя Ира была такая сухая, с морщинами, ей было около пятидесяти на вид. Сначала мы с ней просто в группе разговаривали, знакомились. Она несколько раз ко мне в детский дом приходила, приносила гостинцы. Иногда даже игрушки дарила. Я всегда со своими друзьями делился – у нас с детства так было, что мы одна семья. А потом эта тетя Ира стала брать меня к себе в гости на выходные. Просто спросила однажды: «Ты не против домой ко мне пойти?», и я очень обрадовался, сказал: «Да, да, давай!» Это был первый

раз в моей жизни, когда я попал в квартиру. Не знаю почему, но я очень хотел выйти за ворота детского дома, посмотреть, что за жизнь снаружи. Мы иногда куда-то ездили с батором, и мне нравилась смена обстановки. Вот и поход к тете Ире я поначалу воспринял как экскурсию, которой очень обрадовался.

Я, кстати, тогда удивился, что у нее дома много новых игрушек. И были еще какие-то фотографии семейные, я их не очень запомнил. Вроде мужчина и ребенок, наверное, бывший муж и сын, что ли. Но в квартире никого не было, кроме нее. Она жила одна. Вопросов я, как обычно, никаких не задавал, поэтому до сих пор без понятия – кто там был у нее или не был на самом деле. А квартира мне очень понравилась. Трехкомнатная, если я ничего не путаю. В спальне стояла огромная двуспальная кровать, такая красивая, белая. В гостиной, где я спал, был классный, очень удобный диван. По дороге из детского дома мы с ней всегда заходили в магазин «Седьмой континент» и покупали творожок с джемом внизу. Малиновым или персиковым. До сих пор такие люблю. Порядок у нас был такой: выходим из дошколки, идем в «Седьмой континент», покупаем мне творожок и только после этого направляемся домой. Я сейчас вспоминаю и понимаю, что мне этот ритуал очень нравился. Мы приходили к ней домой, и я чувствовал совершенно другой запах. Не как в баторе. Мне кажется, такого запаха я больше нигде и никогда не встречал – тогда еще не знал, что дом каждого

человека пахнет по-своему. И вот, я заходил, переодевался, снимал свои огромные зимние боты, комбинезон. Справа от входа стояла вешалка для одежды, там очень много всего висело – шубы, пальто, плащи. Слева было большое зеркало, просто огромное. И вроде в прихожей были обои на морскую тему. Дальше проходишь – кухня. Там у нее гарнитур стоял прикольный, светлый с черной столешницей. И даже телик в кухне был. Я в первый раз пришел, смотрю, на столе в вазочке что-то непонятное лежит.

– А что это такое? – спрашиваю.

– Это орешки, – она мне улыбнулась, – хочешь?

– Хочу.

И вот я сидел в кухне, смотрел мультик «Ледниковый период» и ел эти орешки из вазочки. Никто меня не дергал, не отвлекал, в ухо не сопел. И так хорошо это было. Я сразу полюбил дом тети Иры. И обстановка приятная, и еда такая вкусная, домашняя. Мне эта еда больше нравилась, чем баторская. Пюрешка с котлетой или макаронки с мясом. И котлетка всегда такая поджаристая, а не бледная, как медуза, и порция большая.

Дальше по коридору была гостиная, спальня и еще какая-то комната, кажется, кабинет. Туда она мне почему-то не разрешала входить, хотя я все время рвался – мне казалось, надо и туда обязательно игрушки свои положить. Вроде как повсюду отметиться, о себе заявить. Но она мне все время говорила: «Гриша, выйди, Гриша, выйди!» И в свою спаль-

ню тоже не разрешала входить. У нее там как раз на белом комоде и стояли разные семейные фотографии, всякие статуэтки. Но я все равно как-то туда просачивался. И помню, довольно долго стоял, рассматривал все эти безделушки. У меня они и сейчас словно перед глазами стоят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.